

Анна Салавирта

Хельсинки, Финляндия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КУБИК РУБИКА: ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА В ТРЁХЪЯЗЫЧНОЙ СЕМЬЕ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ

1. Введение

1.1. Многоязычие в Финляндии

Феномен многоязычия одновременно многогранен и неисчерпаем. Он изучается как экономистами (см., например, Grin 2013), специалистами в области нейронауки (в частности, Andrews 2014) и образования (см. Cenoz, Genesee 1998), так и лингвистами (Hoffmann 1985, Мадден 2008, Montanari 2010 и др.) и психологами (см., например, Kavé et al. 2008). Исследования многоязычия подчёркивают преимущества владения несколькими языками: мультилингвы зарабатывают больше, развивая бизнес и увеличивая ВВП (Grin 2013), болезнь Альцгеймера их настигает позже, чем монолингвов (Bialystok 2011), а многоязычное образование позволяет встречаться не только нескольким носителям языка, но и представителям различных культур, обогащая знания и строя межкультурные мосты (Cenoz, Genesee 1998).

В 2012 году количество людей, говорящих на двух и более иностранных языках в Финляндии, составляло 48% населения (Special Eurobarometer 386 2012). Конечно, такая цифра является небольшой в сравнении с 84% многоязычного населения Люксембурга. Однако когда речь идёт о почти половине населения, свободно изъясняющемся на нескольких языках, многоязычие обретает право рассматриваться как самостоятельное явление. Несмотря на это, данному явлению в Финляндии либо уделяется мало внимания, либо оно описывается в рамках понятий билингвизма, ограничивающего исследовательский подход и влияющего на результаты исследований.

Изучению билингвизма в Финляндии посвящено множество работ ввиду того, что эта страна является домом двух государственных языков и культур и, как минимум, 500 иностранных языков (Karlsson 2017: 83), среди которых русский язык занимает первое место по количеству носителей (Tilastokeskus 2018). В связи с этим быстрыми темпами развивается и область изучения финско-русского онтобилингвизма. Лингвисты проливают свет на развитие грамматики подростков-билингвов (Вирпиоя 2010), чтение и письмо на двух языках детьми младшего школьного возраста (Корнеев, Протасова 2014), фонетическое развитие двуязычных дошкольников (Корнев, Ненонен 2013; Ненонен 2016), смешение кодов в детском возрасте (Зеленин 2008), а также приводят методические рекомендации по успешной коммуникации с детьми-билингвами и их гармоничному развитию (Протасова, Родина 2005, 2010, 2011). Однако в условиях увеличения количества носителей иностранных языков представляется актуальным обратиться к другим разновидностям многоязычия, в частности, к трилингвизму.

1.2. Жонглируя тремя языками

Носитель двух и более языков представляется жонглёром, который старается подбрасывать и ловить одновременно несколько мячей (языков) (Edwards, Dewaele 2007). Во второй половине XX века лингвисты начали задаваться вопросом, какие факторы влияют на это «жонглирование». Одним из первых исследований трилингвизма можно назвать автобиографический очерк Элверта (Elwert 1973), в котором он описал свой опыт освоения итальянского, немецкого и английского языков с раннего детства до среднего возраста. Элwert не только предложил взглянуть на трилингвизм с точки зрения того, кто в него погружён, но и детально воспроизвёл факторы, влиявшие на выбор

одного из трёх языков в различные периоды жизни. Одно из ценнейших наблюдений Элверта заключается в том, что роль языков меняется со временем и один из них становится менее используемым в сравнении с другими двумя. Хоффманн отмечает, что это характерно для трилингвизма (Hoffmann 2001). В своей работе, опубликованной в 1985 году, она приводит психологические и социокультурные причины, повлиявшие на развитие и освоение испанского, немецкого и английского языков двумя трилингвами на протяжении семи лет (Hoffmann 1985). Факторами, определяющими вектор развития каждого из языков, она считает характер интерференции и переключения кода, доминантный язык, роль родителей, окружение детей и особенности их характера. Эти же факторы, воздействующие на развитие языков, описаны в первой работе о детском трилингвизме (Murrell 1966). Мёррелл описал некоторые аспекты развития шведского, финского и английского языков его дочери в первые два года её жизни, отметив сильную интерференцию, проявляющуюся в смешении языков на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Другие лингвисты задавались вопросом о том, сколько языковых систем трёхязычный ребёнок имеет в раннем детстве. В одном из таких исследований участвовало три маленьких трилингва, которые осваивали сербохорватский, венгерский и немецкий языки (Mikes 1990). Были представлены доказательства того, что би- и трилингвы обязательно проходят через стадию, в течение которой они имеют лишь одну лексическую систему, состоящую из лексем разных языков, что до этого утверждалось в работе Volterra, Taeschner (1978).

Представляется, что вопрос о том, сколько лексических систем опознаёт многоязычный ребёнок, теряет свою релевантность, когда мы наблюдаем многогранность процесса «жонглирования» языками. На наш взгляд, одним из главных процессов, характеризующих эту многогранность, является переключение кода в речи (code-switching).

1.3. Исследование переключения кода

Лингвисты проявили интерес к переключению кода (ПК) ещё в 50-х годах XX столетия (см., например, Weinreich 1953). На сегодняшний день существуют различные подходы к изучению этого явления как в рамках лингвистики, так и в области социальных наук (см., например, Scotton 1988; Yoon 1993). Под ПК мы понимаем переход от одного языка к другому внутри высказывания (интрасентенциональное ПК) или между высказываниями (интерсентенциональное ПК). Этот процесс обусловлен тем, что две или более лингвистические системы активны в процессе формирования высказываний. Ввиду связи ПК с грамматикой языков оно рассматривается некоторыми лингвистами как показатель уровня владения языками (см., например, Poplack 1980), с чем сложно согласиться, например, в ситуациях, когда говорящего подводит память.

Социолингвистическое объяснение причин ПК дала в своей работе Myers-Scotton (1993). Согласно предложенной ею модели маркированности (markedness model), ПК является результатом рационального выбора говорящего для установления его социального статуса или роли в определённой ситуации. Однако было доказано, что не каждое ПК может быть объяснено: оно может быть автоматическим и не замеченным самим говорящим (Woolard 2004). К тому же данная модель вряд ли применима к изучению детской речи, потому что дети не всегда следуют нормам поведения, а скорее, создают свои собственные в зависимости от своих потребностей. Более того, модель маркированности тесно связана с моделью Myers-Scotton (1993), включающей в себя матричный язык (доминантный язык в неофициальном общении) и встроенный язык (язык, элементы которого вставляются в матричный язык). Это осложняет задачу исследователя-онтобилингволога, так как при анализе речи детей-билингвов не всегда представляется возможным определить матричный язык (Чиршева, Коровушкин 2016: 78).

Функционирование матричного языка и встроенного языка в речи билингвов влияет на ПК в рамках отдельно взятой ситуации. Сбалансированность дву-/многоязычия оказывает влияние на ПК во всех речевых ситуациях. Согласно ряду исследований билингвизма, несбалансированные билингвы переключают код с доминантного языка на недоминантный язык с той же лёгкостью, что и сбалансированные билингвы (см., например, Meuter, Allport 1999; Peynircioğlu, Durgunoğlu 2002).

Разграничение по сбалансированности/несбалансированности билингвизма является важным и в свете того, что сбалансированные билингвы предпочитают интрасентенциальное ПК в то время, как несбалансированные билингвы чаще используют интерсентенциальное ПК (см., например, Poplack 1980; Muysken, Nortier 1990; Kook, Vedder 1996;). Это объясняется тем, что несбалансированные билингвы предпочитают использовать вкрапления из недоминантного языка, не нарушающие синтаксическую структуру доминантного языка. Стоит отметить, что это оспаривается результатами исследования ПК в речи испано-американских детей от 3 до 5 лет (Peynircioğlu, Durgunoğlu 2002), которые показывают, что в то время как интрасентенциальное ПК зависит от уровня билингвизма, интерсентенциальное ПК не обусловлено им. Также необходимо обратить внимание на то, что, помимо типа билингвизма, на ПК влияет и контекст коммуникации, то есть коммуниканты (см., например, Martin-Jones 1995), тип дискурса (см., например, McClure 1981), ситуация и т.д.

Наше исследование фокусируется на ПК в детской речи, поэтому наибольший интерес для нас представляют работы Oksaar (1977), Stavans (1992), а также Edwards, Dewaele (2007), посвящённые этому явлению. Оксаар (Oksaar 1977) описала процесс освоения немецкого языка её сыном в возрасте 3;11, когда он уже владел эстонским и шведским языками. Согласно результатам исследования, ребёнок прибегал к использованию ПК в определённых ситуациях таких, как привлечение внимания, заполнение лексических лакун и запрос объяснения. Исследование Stavans (1992) показало, что ПК может зависеть также и от того, является собеседник монолингвом, билингвом или трилингвом. Их влияние на ПК в речи ребёнка не может быть переоценено. Однако исследование Edwards, Dewaele (2007) показало, что частота ПК в речи родителя и ребёнка может различаться и не всегда имеет тесную связь. Таким образом, наряду с ориентацией на собеседника, индивидуальные особенности отдельно взятого коммуниканта определяют характер его ПК. Огромную роль в этом процессе играет и возраст коммуниканта: например, дети не имеют того же уровня языковой осознанности и понимания грамматики, что и взрослые, и прибегают к вставкам «застывших формул» (preformed units or formulas; Nelson 1981).

2. Постановка проблемы

Объект данного исследования – коммуникация в русско-финской семье, где говорят на трёх языках: папа говорит с ребёнком на финском языке, мама – на русском, а друг с другом папа с мамой разговаривают на английском. Предмет исследования – ПК в процессе коммуникации в трёхязычной семье. Обычно материалом подобных исследований являются аудиозаписи, сделанные за определённый промежуток времени с заданной периодичностью. Однако мы решили провести детальный анализ одной записи для того, чтобы выделить ситуации ПК в рамках короткого промежутка времени, в данном случае – вечера в кругу семьи после рабочего дня. Поэтому материал состоит из одной аудиозаписи длительностью 4 часа 55 минут, сделанной, когда Эльвире (участнице исследования) было 3;5,22. Такой возраст был выбран неслучайно: к этому моменту стало ясно, что Эльвира различает все три языка, поэтому её речь содержит осознанные ПК, а не только смешение языков.

Запись была транскрибирована, а ситуации речевого взаимодействия, в которых наблюдалось ПК, были выделены и размечены в соответствии с правилами анализа разговорной речи (conversation analysis; см., например, Seedhouse 2005; ten Have 2007). Всего было выделено 22 такие ситуации, 11 из которых проанализировано в данной статье.

Семейная коммуникация является комплексным явлением и имеет несколько уровней. Коммуникация нуклеарной семьи, состоящей из родителей и одного ребёнка, включает следующие уровни: 1) родитель 1 – родитель 2; 2) родитель 1 – ребёнок; 3) родитель 2 – ребёнок; 4) оба родителя – ребёнок (адаптировано из Занадворова 2003: 384). В рамках данной статьи мы рассматриваем только последние три уровня.

Данное исследование, как любое другое, имеет определённые трудности. Во-первых, оно содержит в себе информацию о речевом развитии только одного ребёнка, что не позволяет экстраполировать результаты, но и не мешает использовать их для сравнения с другими типами исследований. Во-вторых, проведение исследования родителем-лингвистом имеет в себе опасность слишком богатой интерпретации языкового материала (Yip, Matthews 2007). С другой стороны, родитель-лингвист имеет возможность подтвердить или опровергнуть определённые гипотезы относительно высказываний ребёнка, так как знает индивидуальные особенности ребёнка и условия его развития.

В-третьих, материалом исследования послужила аудиозапись спонтанной речи ребёнка в домашней обстановке, что ограничивает количество коммуникативных ситуаций. В то же время домашняя обстановка является наименее напряжённой и наиболее благоприятной для речепроизводства. Это естественная среда для ребёнка, не имеющая искусственных ограничителей его поведения, которые возникают при применении методов экспериментальной лингвистики. В-четвёртых, материал нашего исследования представляет собой аудиозапись, что не даёт информации о невербальной коммуникации. Однако наличие камеры могло бы отрицательно сказаться на естественности поведения родителей и ребёнка. Отсутствие видеозаписей затрудняет анализ материала ввиду того, что в некоторых случаях сложно сказать, на кого смотрит ребёнок, то есть к кому он обращается. В таких случаях выбор языка и темы разговора является определяющим фактором.

В-пятых, парадокс наблюдателя (Labov 1972) играет огромную роль в исследованиях подобного плана. Порой сложно сказать, каким образом наблюдатель-исследователь влияет на ситуацию и её участников. Особенно это затруднительно в случае, когда наблюдатель играет роль участника ситуации, то есть использует метод «включённого наблюдения». Но такой подход позволяет исследователю ненавязчиво регулировать ситуацию речевого общения без тотального контроля и отвлечения участников от коммуникации, ведь именно участники коммуникации определяют её характер и динамику. В свою очередь, языковой и культурный опыт, формирующие их лингвистический профиль, отражаются в том, как происходит коммуникация, поэтому далее мы опишем лингвистический профиль семьи, участвующей в исследовании.

3. Лингвистический профиль семьи

Семья принадлежит к среднему классу. Оба родителя имеют высшее образование и работают в научной среде. Эльвира родилась и провела большую часть своей жизни в Финляндии, за исключением коротких визитов в Россию.

Отец является носителем финского языка, а мать – русского. Оба родителя свободно говорят на английском, и он является неотъемлемой частью их общения между собой наряду с редкими переключениями на финский или русский языки. Ещё до рождения Эльвиры оба родителя проявляли позитивное отношение к многоязычию и обсуждали языковые стратегии, которые будут использоваться с ребёнком. Несмотря на то, что было решено использовать стратегию «один родитель – один язык», вкрапления английского языка появились уже в первые месяцы жизни Эльвиры, а затем переросли во внушительные сегменты речи.

Финский язык играет огромную роль в жизни Эльвиры. Во-первых, финноязычное окружение и носитель языка (папа) позволяют постоянно тренировать и совершенствовать её языковые умения. Во-вторых, мама использует финский язык ежедневно во

время коммуникации с друзьями, соседями и семьёй, что стимулирует Эльвирин интерес к этому языку. Русский язык Эльвира слышит от мамы и маминой семьи, педагогов, друзей и из мультфильмов или фильмов. Папа знает лишь несколько популярных русских слов и фраз, однако его словарный запас несколько увеличился с течением времени из-за необходимости понимать собственного ребёнка, что приводит к ПК в его речи.

В предыдущей публикации, содержащей сведения о речевом развитии Эльвиры от 0 до 2 (Салавирта 2017: 63), присутствует таблица с процентными показателями инпута на всех трёх языках. Процентное соотношение высчитывалось в соответствии с часами бодрствования Эльвиры в течение которых она слышала тот или иной язык. Эти сведения являются лишь приблизительными, так как не представляется возможным проконтролировать и просчитать эти данные с высокой долей точности. Несмотря на это, данная информация проливает свет на языковую ситуацию в описываемой семье.

В течение первых двух лет русский язык был доминирующим языком инпута, так как большую часть времени Эльвира проводила с русскоязычной мамой. Однако с течением времени количество русского языка снизилось с 60% в период с 0 до 3 месяцев до 45% в период с 21 до 24 месяцев. Инпут на финском языке оставался примерно одинаковым на протяжении этих двух лет, но вырос до 40% к концу второго года жизни, почти сравнявшись с инпутом на русском языке. Английский инпут был наименьшим из всех трёх и достиг 10% только к тому моменту, когда Эльвире исполнилось 8 месяцев. Начиная с 10 месяцев, Эльвира с мамой начала посещать занятия на английском языке, что увеличило английский инпут до 15% к концу второго года жизни.

Возраст	Языки	Источники инпута	Количество инпута
2;0 – 2;3	РЯ*	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	43%
	ФЯ*	Папа, родственники, друзья, телепередачи	45%
	АЯ*	Родители, телепередачи, друзья	12%
2;3 – 2;6	РЯ	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	40%
	ФЯ	Папа, родственники, друзья, телепередачи	50%
	АЯ	Родители, телепередачи, друзья	10%
2;6 – 2;8	РЯ	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	35%
	ФЯ	Папа, родственники, друзья, телепередачи	55%
	АЯ	Родители, телепередачи, друзья	10%
2;8 – 3;0	РЯ	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	40%
	ФЯ	Папа, родственники, друзья, телепередачи	50%
	АЯ	Родители, телепередачи, друзья	10%
3;1	РЯ	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	22%
	ФЯ	Папа, родственники, друзья, телепередачи	68%
	АЯ	Родители, телевидение, друзья	10%
3;2 – 3;6	РЯ	Мама, друзья, родственники, развивающие занятия, телепередачи	30%
	ФЯ	Папа, родственники, друзья, телепередачи	60%
	АЯ	Родители, телевизионные передачи, друзья	10%

* Русский, финский и английский языки соответственно.

С 10 месяцев Эльвира с мамой посещала комплексные развивающие занятия 2 раза в неделю на русском языке, за исключением двух месяцев в год. За две недели до того, как Эльвире исполнилось 2;8, она была в России у бабушки вместе с родителями в течение одной недели. В возрасте 2;3 Эльвира начала посещать детский сад, а в 3;1 она была на каникулах у финских бабушки и дедушки, поэтому наблюдалось значительное увеличение финского инпута в период от 2;3 до 3;1.

Количество английского инпута на протяжении полутора лет оставалось практически неизменным и поддерживалось в основном за счёт любимых мультфильмов и разговоров родителей. Далее приводится таблица с информацией об инпуге, начиная с момента, когда Эльвире исполнилось 2 года.

Несмотря на то что данные, приведённые в таблице, являются лишь приблизительными, они дают понимание того, что создание идеальных условий для одинакового количества инпута на всех трёх языках является затруднительным, а количество инпута может изменяться в зависимости от жизненных обстоятельств и предпочтений ребёнка. Например, Эльвире не нравятся русские мультфильмы и программы, однако она любит англоязычные мультфильмы, а финноязычные передачи являются неотъемлемой частью её дня. Таким образом, создание идеальных условий для одинакового количества инпута на всех трёх языках является затруднительным, а количество инпута может изменяться в зависимости от жизненных обстоятельств и предпочтений ребёнка.

4. Есть контакт? Ситуации ПК в трёхязычной семье

В данной секции мы приводим анализ речевых ситуаций, содержащих ПК. Так как в некоторых ситуациях было затруднительно определить, какой из языков является матричным, мы распределили самые яркие примеры по тому, с кем общается ребёнок: мама, папа или оба родителя.

4.1. Пусть всегда будет мама!

Согласно работе Цейтлин (2004: 24–25), в своей речи, обращённой к ребёнку, матери уделяют много внимания описанию окружающего мира. При этом стиль общения матерей может быть как императивным, так и декларативным, а вопросительные высказывания могут фактически и не содержать вопроса, а являться побуждением к коммуникации. Каждая мать имеет свой стиль общения, но её роль в многоязычной семье предполагает умение подстраиваться не только под стиль общения собеседника, но и под ситуации ПК. Обратимся к первому фрагменту, демонстрирующему такую ситуацию:

01.01	Э:	((Э безуспешно пытается прикрепить удила к сбруе игрушечной лошади))
01.02		ah↑ en osaa kiinnitetä* (.) ah↑ (.)
		<i>не могу прикрепить (фин.)</i>
01.03		en osaa kiinnittää (.)
		<i>не могу прикрепить (фин.)</i>
01.04		eh↓ tuo ei pidet- eh↓
		<i>это не держ- (фин.)</i>
01.05		pidä ah↑ (.)
		<i>держись (фин.)</i>
01.06		en osaa
		<i>не могу (фин.)</i>
01.07		((Э идёт на кухню))
01.08		ei osaa↑ мама ↑
		<i>не может (фин.)</i>
01.09		en osaa tömmöst-
		<i>не могу эт- (фин.)</i>
01.10	М:	((стучит ложкой по кастрюле, стряхивая с ложки еду.
01.11		Э показывает, что не может прикрепить удила к сбруе))
01.12		что ты не можешь опять ?=
01.13	Э:	=не смо:гут ↑
01.14	М:	[не могу] (.)
01.15	Э:	[не смо:гут]↑
01.16	М:	не могу (.) а не не смогут

Данный фрагмент начинается с монологической речи Эльвиры на финском, её доминантном языке (01.01–01.06). Затем, решив, что она не может прикрепить удила к игрушечной сбруе, Эльвира обращается к маме за помощью на финском языке, используя обращение «мама» на русском языке (01.08), но продолжая на финском языке (01.09). По-

русски мама просит Эльвиру объяснить или показать, что она не может сделать (01.12). Эльвира показывает, что вызывает у неё затруднение, используя русский язык, а именно «застывшую форму» *не смогут* по отношению к себе (01.13). Мама отвечает на это коррекцией «застывшей формы» на нормативную *не могу* (01.14 и 01.16).

Таким образом, данный фрагмент демонстрирует, как Эльвира переключается с одного языка на другой без особых затруднений, используя при этом грамматически некорректные формы, которые, однако, не мешают взаимопониманию и развитию диалога. Мама Эльвиры пускает в ход несколько родительских стратегий при ПК в речи ребёнка. Во-первых, для того чтобы выяснить, в чём заключалась проблема Эльвиры, мама перевела сказанное ребёнком на русский язык, превратив это в вопрос, требующий разъяснения со стороны ребёнка. Во-вторых, коррекция «застывшей формы» сигнализирует о том, что мама уделяет много внимания речи ребёнка.

В финской речи обращение «мама» является не единственным русским вкраплением Эльвиры. «Застывшие» словоформы «папу» и «маму» достаточно часто встречаются в её речи в разных функциях. Примером этому служит следующий фрагмент:

02.01	Э:	((увидела папу в окне))
02.02		se on minun isä [↑] маму [↑]
		<i>это мой папа (фин.)</i>
02.03		se on minun isä [↑] pappa [↑] se on minun pappa [↑]
		<i>это мой папа[↑] папа[↑] это мой папа (фин.)</i>
02.04		((бежит к маме))
02.05		маму [↑] se on pappa [↑]
		<i>это папа (фин.)</i>
02.06		мама [↑] se on minun pappa [↑]
		<i>это мой папа (фин.)</i>
02.07		папа meni [↑]
		<i>пошёл (фин.)</i>
02.08		sinne* папа [↑]
		<i>туда в значении «там» (фин.)</i>
02.09	М:	[aaa]
02.10	Э:	[()]

Данный фрагмент начинается с радостной реакции Эльвиры на то, что она увидела в окне папу, возвращавшегося с работы. Первая Эльвирина реакция состоит из высказываний на финском языке (02.03). Для того чтобы привлечь мамино внимание и поделиться с ней своей радостью, Эльвира использует вставки из русского языка в свою финскую речь, в числе которых как «застывшая» словоформа «маму» (02.05), так и нормативные формы «мама» (02.06) и «папа» (02.07 и 02.08). Стоит отметить, что русские слова «мама» и «папа» фонетически отличаются от финских слов «тамта» и «рарра» количеством согласных звуков во втором слоге.

«Застывшие формы» являются достаточно частотными при ПК. В первом фрагменте встречается использование глагола третьего лица множественного числа вместо первого лица единственного числа («не смогут»), а во втором фрагменте – существительного в родительном/винительном падеже вместо существительного в именительном падеже («маму»). Следующий фрагмент подтверждает тенденцию к «застывшим формам» в речи Эльвиры:

03.01		((Э взяла свою игрушечную музыкальную черепаху вместе с собой за стол и ест ужин, играя с черепахой))
03.02	М:	ляль ешь [↑] пожалуйста
03.03	Э:	(1) kilpi-
		<i>чере- (фин.)</i>
03.04	М:	слышишь меня ? ешь [↑] пожалуйста
03.05	Э:	да↓ se on kilpikonna.
		<i>это черепаха (фин.)</i>
03.06	М:	ляль [↑] я сейчас выключу если ты есть не будешь

- 03.07 Э: да↓ **niinku kilpikonna.**
как черепаха (фин.)
- 03.08 М: >я говорю выключу сейчас совсем если есть не будешь<
- 03.09 Э: хочешь будешь
- 03.10 М: [[кашляет]]
- 03.11 Э: [будешь] будешь. (1) да↑

Эльвира настолько занята игрой с черепахой, что забывает о еде (03.01), и мама напоминает ей о том, что нужно есть ужин (03.02, 03.04 и 03.06), на что Эльвира отвечает по-русски, вставляя финские фразы (03.05 и 03.07). Когда же появляется угроза от мамы (03.08), Эльвира сигнализирует, что она хочет есть, уже на русском языке, используя ту форму глагола, которая была использована мамой (03.09 и 03.11)¹. Необходимо отметить, что в данном примере Эльвира использует интерсентенциальное ПК (03.05 и 03.07) в отличие от интрасентенциального ПК, в частности, вставок существительных, которые мы видим в прошлых примерах.

Переключения на финский язык в речи Эльвиры достаточно частотны ввиду того, что финский является её доминантным языком даже в общении с мамой:

- 04.01 М: ты хочешь что-нибудь съесть () ?
- 04.02 Э: нет↓
- 04.03 М: нет ? (2) вообще ничего не хочешь ?
- 04.04 Э: нет↓
- 04.05 (5) **хочет** (.) **хочет** ((Э идёт на кухню))
- 04.06 (2) ((Э видит проросшую пасхальную траву)) ой, **ruoho kasvaavat**
травы растёт (фин.)
- 04.07 М: ага
- 04.08 Э: ne kasvaa:↑
они растут (фин.)
- 04.09 М: ага
- 04.10 Э: nyt voin syö myöhemmin
теперь могу есть попозже (фин.)
- 04.11 М: угу

Эльвира, занятая игрой, пока мама готовит на кухне, слышит вопросы мамы на русском языке (04.01 и 04.03) и отвечает на русском (04.02, 04.04 и 04.05). Войдя на кухню и увидев проросшую траву, обещанную Эльвириным игрушечным лошадкам, Эльвира переключается на финский язык. ПК в данном случае может рассматриваться как интрасентенциальное, так как междометие «ой» является, скорее, маркером русского языка, а не финского. Однако такое междометие может рассматриваться и как универсальное, не привязанное к какому-либо языку. Стоит также отметить, что в этом случае мама использует стратегию продолжения диалога без коррекции высказываний ребёнка или акцентирования внимания на ненормативных языковых формах.

Эти четыре фрагмента показывают, как родительские стратегии, используемые мамой, проявляются в ПК в речи Эльвиры. Речь мамы активизирует русский язык Эльвиры, однако если мама не включается в диалог, как в последнем примере, Эльвира переходит от русского к финскому языку без колебаний. «Застывшие формы» на русском языке в финской речи Эльвиры являются вставками существительных и глаголов и продолжают функционировать в той форме, в которой она их запомнила, если мама не корректирует её. Очевидно, что ПК и «застывшие формы», в частности, так часто появляющиеся в речи Эльвиры, могут быть результатом родительской стратегии, не акцентирующей на них внимание.

¹ Многие глаголы в «застывшей» форме второго лица единственного числа используются Эльвирой в значении первого лица и по сей день, когда её возраст подходит к четырём годам, что говорит о том, что появление такой «застывшей формы» в данном фрагменте не является случайным.

4.2. Пусть всегда будет папа!

Родительские стратегии в одной семье могут быть разными. В данной семье отношение к ПК было отрицательным со стороны мамы и нейтральным или даже позитивным со стороны папы. Обратите внимание на следующий фрагмент:

- 05.01 П: ((целует сестру Э))
05.02 haluutko säkin pusu ?
ты хочешь, чтобы тебя тоже поцеловали? (фин.)
05.03 Э: e:i↓ () (2)
нет (фин.)
05.04 ((Э включает музыкальную игрушку, играет музыка))
05.05 П: (3) tu mun syliin
сядь ко мне на коленки (фин.)
05.06 Э: ei
нет (фин.)
05.07 П: £tuu vähäks aikaa↑ syliin↓£
иди ненадолго на коленки (фин.)
05.08 Э: £ei£
нет (фин.)
05.09 П: £iha vähäks↑ aikaa↓£
совсем ненадолго (фин.)
05.10 Э: £ei£ h.h.h.
нет (фин.)
05.11 П: £minulla oli sua iäkävä↓£
я по тебе скучал (фин.)
05.12 Э: £ei↓£
нет (фин.)
05.13 П: () katotaan iirikseen ↓
посмотри на Ирис (фин.)
05.14 iiris on **so:↑ cute** (.)
Ирис (фин.) очень милая (англ.) (Ирис – имя младшей сестры Эльвиры)
05.15 kuin elvira
как Эльвира (фин.)
05.16 Э: e↓
нет (фин.)
05.17 П: on tosi **cute**↓
очень (фин.) милая (англ.)
05.18 Э: e↑
нет (фин.)
05.19 olen iso
я большая (фин.)
05.20 П: ei oo iso mut tosi **cute**
не большая, а очень (фин.) милая (англ.)
05.21 Э: en **cute**
не (фин.) милая (англ.)
05.22 П: () tosi cute myös
очень (фин.) милая (англ.) тоже (фин.)
05.23 Э: uh-oh↑
05.24 П: buddykin on tosi **cute**
Бадди (кличка собаки) тоже очень (фин.) милый (англ.)
05.25 Э: uh-oh↑

Данный фрагмент отражает обычный вечер в кругу семьи, когда папа хочет провести время с детьми. Диалог проходит на финском языке (05.01–05.13), однако в определённый момент папа решает использовать английское слово *cute* вместо финского *söpö* (05.14, 05.17, 05.20 и 05.24). Это приводит к тому, что Эльвира также использует вставку английского слова вместо финского (05.21). Таким образом, ПК в речи родителя приводит к ПК в речи ребёнка.

Папа периодически предпочитает переключаться на другой язык, так как считает, что ПК служит способом обучения ребёнка языкам:

- 06.01 ((П развешивает одежду после стирки.
 06.02 Э играет за столом.
 06.03 На фоне играет песня, в которой проскальзывает слово «everything»))
 06.04 П: everything (.)
всё (англ.)
 06.05 **kaikki**
всё (фин.)

В данном фрагменте папа Эльвиры, занимаясь рутинными делами (06.01) и слушая музыку (06.03), приводит перевод английского слова на финский (06.04 и 06.05). Это ПК имеет незапланированный характер и полностью продиктовано моментом и желанием папы дать ребёнку дополнительную информацию о языках, звучащих дома.

Как известно, ПК в речи взрослых воздействует на появление ПК в речи детей. Однако то же самое работает и в обратном направлении, то есть взрослые совершают ПК, которому они были научены собственными детьми. Взглянем на следующий фрагмент:

- 07.01 П: **жеребя:т↑** tule nukkumaan minun kanssa
пойдём спать со мной (фин.)
 07.02 Э: EI↑
нет (фин.)
 07.03 П: **жеребя:т↑** tule tänne↑
иди сюда
 07.04 sinun pitää totella
тебе нужно слушаться (фин.)
 07.05 Э: EI↑
 07.06 П: **жеребя:т↑** sinun pitää totella
тебе нужно слушаться (фин.)
 07.07 Э: EI↑

Перед сном папа играет с Эльвирой – игрушечная лошадка, которой управляет папа, зовёт спать жеребёнка, которого держит Эльвира. Несмотря на то, что диалог ведётся на финском языке, вместо того, чтобы использовать финское *varsa*, папа использует русское слово *жеребята* – «застывшую форму», которую он много раз слышал из уст Эльвиры (07.01, 07.03 и 07.06).

Стоит отметить, что в речевом взаимодействии этой семьи существовало и существует несколько «застывших форм»: помимо *жеребята*, частотными являются формы *мама-лошадка* и *папа-конь*:

- 08.01 ((Э и П играют с лошадками на палочках))
 08.02 Э: olen **мама** лошадка
я мама (фин.)
 08.03 П: eiks tä **папа** koni?
разве это не папа-конь? (фин.)
 08.04 Э: tä on **мама** лошадка↓ se on **мама** лошадка↓
это мама (фин.) это (фин.)
 08.05 П: <**neigh↑**>
иго-го (англ.)
 08.06 Э: olen **мама↑** лошадка
я (фин.)
 08.07 П: minä olen **папа** koni↓ **pinkki** **папа** koni↓
я папа конь (фин.) розовый (фин.) конь (фин.)
 08.08 Э: olen **мама↑** лошадка
я (фин.)
 08.09 П: **neigh↑**
иго-го (англ.)
 08.10 minä olen **папа** koni
я папа конь (фин.)
 08.11 Э: **neigh↑**
иго-го (англ.)
 08.12 olen **мама** лошадка (.) ruskea
я (фин.) коричневая (фин.)

- 08.13 П: olen pinkki rapra koni
я розовый папа конь (фин.)
- 08.14 Э: olen мама лошадка <ruskea>
я (фин.) коричневая (фин.)

Данный фрагмент отражает ПК между тремя языками. Сам диалог идёт на финском языке, но присутствуют вставки из русского и английского языков. ПК в речи Эльвиры встречается уже в первом высказывании фрагмента (08.02) и повторяется во втором её высказывании (08.04). Интересным в данном случае является то, что ПК постепенно становится более частотным в рамках данного диалога: сначала Эльвира использует комбинацию финского *tamma* и русского *лошадка* (08.02 и 08.04), после чего она вводит «застывшую форму» *мама-лошадка* (08.04)¹.

После ПК с финского на русский в речи Эльвиры папа включается в такую языковую игру и употребляет английское междометие *neigh*, имитирующее ржание лошади (08.09). Эльвира поддерживает папину инициативу, повторяя это междометие вслед за папой (08.11). Междометия обычно составляют затруднения при анализе языкового материала ввиду их схожести в разных языках. Однако в этом случае междометие «*neigh*» не совпадает с междометиями, имеющими такое значение в русском или финском языках. Его же появление в речи Эльвиры обусловлено её любовью к английским детским песенкам, так как наряду с английским междометием, русский эквивалент часто звучал в речи мамы, но Эльвира выбрала именно английский вариант.

Стоит отметить, что влияние Эльвиры на произвольное ПК в речи папы отражается и в этом фрагменте, когда он употребляет русское *папа* вместо финского эквивалента (08.07), что выглядит как реакция на Эльвирино ПК. Однако возможны и случаи, когда ПК в речи папы не предшествует ПК в речи Эльвиры:

- 09.01 Э: minä olen iso↑ keppari
я большая лошадка на палочке (фин.)
- 09.02 П: [mmm]↓
- 09.03 Э: [ole* iso↑ keppari]
я большая лошадка на палочке (фин.)
- 09.04 П: minä olen pieni мама лошадка
я маленькая мама (фин.)

Данный диалог проходит на финском языке (09.01–09.03), но в последнем высказывании папы появляется вставка на русском языке (09.04). Исходя из того, что этому ПК не предшествовало никакое другое, логичным является предположение о том, что ПК в речи папы является реакцией на ситуацию игры. К тому же данное обозначение игрушки не рассматривается как иноязычный компонент высказывания самим говорящим, так как оно используется часто в данной роли как часть высказывания на финском языке.

Ситуационность играет большую роль при ПК и может вносить изменения в этот процесс. Например:

- 10.01 Э: minä haluu **кормить** ирис
я хочу (фин.)
- 10.02 П: mitä?
что (фин.)
- 10.03 Э: minä haluan **кормить** ириска↓
я хочу (фин.)
- 10.04 П: aaa↓ mut tää on ihan loppu (.)
но еда уже закончилась (фин.)
- 10.05 nyt en tarvi enää
больше не надо (фин.)

¹ Эта «формула» появилась в языке Эльвиры в тот момент, когда различение игрушек по половому признаку стало для неё важным. Именно тогда «формулы» *папа-конь* и *мама-лошадка* стали частью каждодневных разговоров семьи.

- 10.06 Э: minä haluan **кормить** iirisia
я хочу (фин.) Ирис (фин.)
- 10.07 П: joo↓
да (фин.)
- 10.08 ehkä huomenna
может быть, завтра (фин.)
- 10.09 Э: **корми меня** ирис↓

В первом высказывании Эльвира производит вставку русского глагола *кормить* (10.01). Несмотря на то, что диалог ведётся с финноязычным папой, который хочет разъяснить, чего же хочет Эльвира (10.02), она продолжает использовать русский глагол в своих высказываниях на финском языке (10.03 и 10.06). Такое упорство может объясняться тем, что Эльвира не вспомнила финского эквивалента, или она привыкла к использованию именно этой лексической единицы в такой ситуации.

Ситуация, отражённая в данном фрагменте, – ужин. Несмотря на то, что Эльвира ужинает сама и не нуждается в родительской помощи, ассоциация с процессом кормления Эльвиры с ложечки одним из родителей, возможно, остаётся достаточно сильной. На это может указывать использование «застывшей формы» *корми меня* (10.09), которая здесь используется в значении «кормить кого-то».

Данные шесть фрагментов иллюстрируют не только ПК в речи Эльвиры, но и ПК в речи папы, что проливает свет на язык отцов, мало изучаемый лингвистами (Цейтлин 2000: 24). Эльвира, как и её папа, использует интрасентенциональное ПК, вставляя существительные и «застывшие формы» на русском языке в финские высказывания.

Заметным является отличие стиля общения папы от стиля общения мамы. Если мама старается не прибегать к ПК, то папа использует его довольно часто, в особенности в игре, для привлечения Эльвириного внимания и для обогащения знаний дочери. Папа не прибегает к переводу при ПК в речи дочери, а, скорее, подстраивается под него. При этом некоторые «застывшие формы», перенятые от Эльвиры, он вводит в свою речь.

4.3. Пусть всегда будем мы!

Подобные «застывшие формулы» в речи Эльвиры существуют не только на русском языке, но и на английском. Они встречаются в основном в ситуациях, когда её речь слышат оба родителя, например:

- 11.01 П: cosmos (.) **go to bed↑ go to bed↑**
космос иди на место (дословно – в кровать) (англ.)
- 11.02 hei lala↑ älä töni c-↑ HEI↑ ELVIRA EI TÖNIÄ COSMOSTA ()
эй ляля не толкай к-эй эльвира не толкай космоса (фин.)
- 11.03 Э: () minä varoitan* se pois* (valot)
я предупреждаю выключить свет (фин.)
- 11.04 ota* minä pois valo. (2) °joo° ()
я выключу свет (фин.) да (фин.)
- 11.05 (kauniit laulut)
красивые песни (фин.)
- 11.06 mitä cosmos ? hei↑ cosmos COSMOS minä (voin)
что космос? эй! космос космос я могу (дать команду) (фин.)
- 11.07 **go to bed↑**
на место – дословно «иди в кровать» (англ.)
- 11.08 П: lala (.) LALA älä töni cosmosta
ляля ляля не толкай космоса (фин.)
- 11.09 Э: menäänkö* kosmosta **go to be:d ?**
космос идёт (фин.) иди на место (англ.)
- 11.10 meneekö **go to bed ?=**
идёт (фин.) на место (англ.)
- 11.11 П: =cosmos menee ihan kohta
космос пойдёт очень скоро (фин.)
- 11.12 Э: cos-
кос- (фин.)

- 11.13 М: (1) ляль подожди
 11.14 Э: cosmos menee:
космос идёт (фин.)
 11.15 П: >varovasti<
осторожно (фин.)
 11.16 Э: missä on cosmos ? tälle
где космос? там (фин.)
 11.17 П: cosmos **go to bed**
космос иди на место (англ.)
 11.18 Э: **go to bed**
иди на место (англ.)

Фрагмент начинается с того, как папа даёт команду собаке на английском языке (11.01). Эльвира решает помочь папе и также даёт эту команду собаке на английском языке (11.07). Однако в ходе диалога Эльвира тавтологически комбинирует финский *mennä* и английский *to go* глагольные эквиваленты со значением «идти» (11.09 и 11.10). Выражение *go to bed* в речи Эльвиры функционирует, скорее, как одна словоформа и не воспринимается ею как глагольно-предложная конструкция, что ярко выражается в строках 11.09 и 11.10.

Родители, занятые домашними делами, не корректируют Эльвирину речь, так как команды собаке отдаются всегда на английском языке. Интересным является то, что при включении мамы в разговор интрасентенциональное ПК в речи Эльвиры не происходит (11.13) несмотря на то, что мамина речь обращена именно к ней.

5. Заключение

Мы провели анализ 11 ситуаций ПК в речи отдельно взятой семьи. Существенной разницы по частоте использования интра- и интерсентенциональных ПК в речи Эльвиры замечено не было. Вставки существительных при ПК в речи Эльвиры являются наиболее частотными, а «застывшие формы» занимают важное место в её лексиконе. Речь папы Эльвиры содержит те же ПК, что и речь Эльвиры, и этот факт отражает взаимовлияние речи отца и ребёнка. Речь Эльвириной мамы не содержит случаев ПК, но, несмотря на это, Эльвира совершает ПК при общении с мамой, так как знает, что мама понимает эти переключения.

Стратегии, применяемые родителями при общении с Эльвирой, включают перевод, трансформацию сказанного ребёнком в форму вопроса на другом языке, продолжение разговора без акцентирования внимания на ПК, ПК в собственной речи. Данные стратегии отражаются в речи Эльвиры в том, что ПК происходит в её речи достаточно свободно, и оно регулируется ситуацией общения и собеседником.

Нам представляется, что ПК в семейной коммуникации является способом коммуникации, который не понимается коммуникантами как что-то из ряда вон выходящее, а видится как часть повседневного языкового общения. В процессе ПК многоязычие функционирует как кубик Рубика: игрок (коммуникант) поворачивает грани кубика (языка) для того, чтобы подобрать определённые цветовые комбинации (высказывания). Однако не всегда целью является собрание граней кубика (языка) одного цвета (моноязычных высказываний), но важен сам процесс собирания (коммуникации).

Символы транскрипции

((комментарий))	комментарий исследователя
↑	восходящая интонация
↓	нисходящая интонация
?	вопросительная интонация
(.)	короткая пауза (менее 0,2 секунды)
слово	акцентирование
слов-	прерывание слова
=	перебивание
[слово]	наложение

(1)	высчитанная пауза
сло:во	растянутый звук
()	неразборчиво
(слово)	предположительная транскрипция
°слово°	тихо
СЛОВО	громко
>слово<	быстро
<слово>	медленно
£слово£	смеющийся голос
h.h.h.	смех
слово	ПК
слово (сл.)	перевод (оригинальный язык)

Литература

- Вирпиоя, Т. (2010) Типы двуязычия и усвоение русской грамматики. В: Мустайоки, А. и др. (ред.) *Изучение и преподавание русского языка в Финляндии*. Санкт-Петербург: Златоуст, 392–409.
- Занадворова, А.В. (2003) Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи). В: Крысин, Л.П. (ред.) *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация*. Москва: Языки славянской культуры, 381–402.
- Зеленин, А. (2008) «Папа, где моя лёрка?» (доминантный язык и смешение кодов в русско-финском билингвизме). В: Линдстедт, Й. и др. (ред.) *С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday*. Slavica Helsingiensia 35. Helsinki: Unigrafia, 469–482.
- Корнеев, А.; Протасова, Е. (2014) Динамика совершенствования письма у финско-русских билингвов между 8 и 9 годами. В: Никунласси, А.; Протасова, Е.Ю. (ред.) *Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие*. Slavica Helsingiensia 45. Helsinki: Unigrafia, 298–318.
- Мадден, Е. (2008) *Наши трёхязычные дети*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Ненонен, О. (2016) *Фонетическое развитие русско-финских билингвов дошкольного возраста*. Slavica Helsinki: University of Helsinki.
- Протасова, Е.Ю.; Родина, Н.М. (2005) *Многоязычие в детском возрасте*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Протасова, Е.Ю.; Родина, Н.М. (2010) *Методика развития речи двуязычных дошкольников*. Москва: Владос.
- Протасова, Е.Ю.; Родина, Н.М. (2011) *Интеркультурная педагогика младшего возраста*. Москва: Форум.
- Салавирта, А. (2018) Фонетические модификации в речи трёхязычного ребёнка от года до двух лет. В: Никунласси, А., Протасова, Е. (ред.) *Многоязычие и семья*. Berlin: Retorika, 62–71.
- Цейтлин, С.Н. (2000) *Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи*. Москва: Владос.
- Чиршева, Г.Н.; Коровушкин, П.В. (2016) Ранние кодовые смешения в речи ребёнка-билингва. В: Цейтлин, С.Н. *Лику билингвизма*. Санкт-Петербург: Златоуст, 62–81.
- Andrews, E. (2014) *Neuroscience and Multilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bialystok, E. (2011) Reshaping the mind: The benefits of bilingualism. *Canadian Journal of Experimental Psychology* 4(60), 229–235.
- Cenoz, J.; Genesee, F. (eds.). (1998) *Beyond Bilingualism: Multilingualism and Multilingual Education*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Grin, F.; Sfreddo, C.; Vaillancourt, F. (2013) *Economics of the Multilingual Workplace*. New York: Routledge.
- Edwards, M.; Dewaele, J.-M. (2007) Trilingual conversation: A window into multicompetence. *International Journal of Bilingualism* 11(2), 221–242.
- Elwert, W.T. (1973) Das zweisprachige Individuum: Ein Selbstzeugnis. *Studien zu den romanischen Sprachen Band IV*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1–81.
- Have ten, P. (2007) *Doing Conversation Analysis: A Practical Guide*. London: Sage Publications Ltd.
- Hoffmann, C. (1985) Language acquisition in two trilingual children. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 6(6), 479–495.
- Hoffmann, C. (2001) Towards a description of trilingual competence. *International Journal of Bilingualism* 5 (1), 1–17.
- Karlsson, F. (2017) *The Languages of Finland 1917–2017*. Turku: Lingsoft.
- Kavé, G.; Eyal, N.; Shorek, A.; Cohen-Mansfield, J. (2008) Multilingualism and cognitive state in the oldest old. *Psychology and Aging* 23(1), 70–78.
- Labov, W. (1972) *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Martin-Jones, M. (1995) Code-switching in the classroom: Two decades of research. In: Milroy, L.; Muysken, P. (eds.) *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 90–112.
- McClure, E. (1981) Formal and functional aspects of the codeswitched discourse of bilingual children. In: Duran, R.P. (ed.) *Latino Language and Communicative Behavior*. Norwood: Ablex, 69–94.
- Meuter, R.F.I.; Allport, A. (1999) Bilingual language switching in naming: Asymmetrical costs of language selection. *Journal of Memory and Language*, 40, 25–40.

- Mikes, M. (1990) Some issues of lexical development in early bi- and trilinguals. In: Conti-Ramsden, G.; Snow, C. (eds.) *Children's Language* 7. New Jersey: Erlbaum, 103–120.
- Montanari, S. (2010) *Language Differentiation in Early Trilingual Development: Evidence from a Case Study*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller.
- Murrell, M. (1966) Language acquisition in a trilingual environment: Notes from a case study. *Studia Linguistica*, 20, 9–35.
- Muysken P.; Kook, H.; Vedder P. (1996) Papiamentu/Dutch code-switching in bilingual parent-child reading. *Applied Psycholinguistics*, 17, 485–505.
- Myers-Scotton, C. (1993) *Social Motivations for Codeswitching*. Oxford: Clarendon Press.
- Myers-Scotton, C. (1997) *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching*. Oxford: Clarendon Press.
- Nelson, K. (1981) Acquisition of words by first language learners. *Native Language and Foreign Language Acquisition. Annals of the New York Academy of Sciences*, 379, 148–159.
- Nortier, J. (1990) *Moroccan Arabic-Dutch code-switching*. Dordrecht: Foris.
- Oksaar, E. (1977) On becoming trilingual. In: Molony, C. (ed.) *Deutsch im Kontakt mit anderen Sprachen*. Kronberg: Scriptor Verlag, 296–306.
- Peynircioğlu, Z.; Durgunoğlu, A.Y. (2002) Code Switching in preschool bilingual children. In: Heredia, R.R.; Altarriba, J. *Bilingual Sentence Processing*. Amsterdam: Elsevier, 339–358.
- Poplack, S. (1980) Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en Espanol: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*, 18, 581–618.
- Scotton, C.M. (1988) Self-enhancing codeswitching as international power. *Language and Communication*, 8, 199–211.
- Seedhouse, P. (2005) Conversation analysis as research methodology. In: Richards, K.; Seedhouse, P. (eds.) *Applying Conversation Analysis*. New York: Palgrave Macmillan. 251–266.
- Special Eurobarometer 386: Europeans and Their Languages* (2012) http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.
- Stavans, A. (1992) Sociolinguistic factors affecting code-switches produced by trilingual children. *Language, Culture and Curriculum*, 5, 41–53.
- Tilastokeskus* (2018) Vieraskieliset. www.stat.fi/tup/maahanmuutto/maahanmuuttajat-vaestossa/vieraskieliset.html
- Volterra, V.; Taeschner, T. (1978) The acquisition and development of language by bilingual children. *Journal of Child Language*, 2, 311–326.
- Weinreich, U. (1953) *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York.
- Woolard, K.A. (2004) Codeswitching. In: Duranti, A. (ed.) *A Companion to Linguistic Anthropology*. Malden, MA: Blackwell, 73–94.
- Yip, V.; Matthews, S. (2007) *The Bilingual Child: Early Development and Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yoon, K.K. (1993) New perspectives on intrasentential code-switching: A study of Korean-English switching. *Applied Psycholinguistics* 13, 433–449.